

I

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

**XVI КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ**

Материалы конференции
(г. Архангельск, Поморский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
9–12 сентября 2008 года)

Часть I

*При поддержке проектов
Российского фонда фундаментальных исследований (№ 08-06-06110-г),
Российского гуманитарного научного фонда (№ 08-01-14034-г)
и регионального проекта Российского гуманитарного научного фонда
и администрации Архангельской области (№ 08-01-48181-г/С)*

Москва – Архангельск
2008

имеющих скандинавское происхождение. Они происходят из погребальных камер и «больших», княжеских курганов могильников Гнёздово, Шестовицы, Тимерёво, из Чернигова, Киева, Пскова и культурного слоя Старой Ладogi (Давидан 1981; Фехнер 1971; Фехнер 1978; Фехнер 1999; Ивакин, Козюба 2003; Яковлева 2006). В этих погребениях одежды из византийского шелка соседствуют с оружием и украшениями скандинавского происхождения. Например, в некоторых женских захоронениях обнаружена шелковая тесьма с золотными нитями, которой обшиты края платья, застегнутого скандинавскими овальными фибулами. Среди различных типов одежды эпохи викингов исследователи относят к образцам византийского влияния, так называемые распашные «кафтаны» с бронзовыми пуговицами (Михайлов 2005). Вслед за Н.П. Кондаковым, многие археологи стали отождествлять верхний, распашной парадный мужской костюм из шелка с особым типом византийской одежды, называемой скарамангион. Упоминания об этой военной и придворной одежде константинопольского двора неоднократно встречаются в трудах Константина Багрянородного. Все же следует признать, что византийские находки очень немногочисленны и теряются на фоне металлического скандинавского убора. Своеобразная монополия скандинавского костюма как элитарного, парадного костюма древнерусской верхушки в X в. дополняется использованием византийского шелка в качестве дорогого элемента этого костюма. Пока трудно уверенно утверждать, что в эпоху викингов могли заимствовать целые элементы византийского парадного костюма.

*В.В. Мурашева, к.и.н.
(Москва)*

ПОРТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГНЁЗДОВА

Гнёздово – один из крупнейших раннегородских центров на территории Восточной Европы – исследуется с 70-х гг. XIX в. Многие вопросы успешно решаются на материалах памятника – развитие ремесла и торговли, проблема этнического состава населения, международных связей Гнёздова и др. Однако, некоторые

проблемы до сих пор далеки от своего разрешения и к ним относятся, в частности, вопрос об исторической топографии поселения.

Одним из основных направлений полевых исследований на территории пойменной части поселения является выяснение особенностей характера использования и застройки отдельных участков. В рамках этой задачи в последние годы ведется планомерный поиск структур, которые можно связать с портовым хозяйством, так как очевидно, что Гнёздово было крупным речным портом на пути «из варяг в греки».

Исследование топографии неразрывно связано с проблемой реконструкции палеоландшафта. Работы в этом направлении проводятся совместно с почвоведом и геоморфологами. Анализ полученных данных позволил утверждать, что высокая пойма Днепра в эпоху существования Гнёздова не затопливалась, а также реконструировать динамику изменения местоположения русла Днепра (Зазовская, Бронникова 2000; Александровский, Кренке, Нефедов 2005; Панин, Борисенко Мурашева, 2006).

Впервые конструкции, которые могут быть интерпретированы, как портовые настилы, были обнаружены на берегу оз. Бездонка, расположенного на высокой пойме Днепра у подножия Центрального Городища (Мурашева 2007). Здесь были выявлены две свиты культурных напластований, разделенных «стерильной» прослойкой. Ранние слои содержали лишь лепную керамику. В рамках нижних горизонтов была выявлена дегтярная (?) яма, а также небольшая канава, обложенная жердями и интерпретированная как небольшой волок для вытаскивания судов на сушу. В заполнении канавы была найдена корабельная уключина, украшенная резным скандинавским орнаментом. В составе верхней свиты напластований было исследовано два сменявших друг друга настила, один из которых подстилался берестяными «циновками».

Второй участок, который может быть связан с «портовым хозяйством» Гнёздова расположен на южном краю пойменной части поселения, недалеко от берега древнего русла Днепра. Здесь также были обнаружены остатки сгоревшего деревянного настила, рядом с которым располагалась большая смолокурная яма. Кроме того, на участке были исследованы углубленные части построек, часть из которых предположительно можно интерпретировать как складские помещения (в заполнении был обнаружен развал амфоры «трапезундской» группы и скопления бус). Наибо-

О РАННЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОДВИНЬЯ В X в.

лее часто встречаемой находкой на этом участке были ладейные заклепки и их фрагменты. Анализ керамической коллекции позволяет с большой долей вероятности, датировать исследованные напластования второй половиной X в.

Таким образом, материалы полевых исследований позволяют выделить две зоны, связанные с функционированием Гнёздова, как речного порта. Наиболее ранние конструкции были выявлены в районе оз. Бездонка (небольшой «волоок» с найденной в его заполнении уключиной). Эти объекты относятся к «раннему» Гнездову (до появления гончарного круга). Вероятно, на раннем этапе оз. Бездонка, расположенное на некотором отдалении от основной водной артерии, активно использовалось в качестве внутренней гавани, в этот период деревянные настилы еще не сооружались и суда вытаскивали на сушу, используя небольшие канавообразные «волоки». К этому этапу относится и исследованная на этом участке дегтярная яма. После проведения масштабных строительных работ на пойменной части поселения (их результатом явилась мощная стерильная прослойка), появляются дощатые настилы разных конструкций (доски, уложенные прямо на поверхность и дощатый настил, подстилаемый берестяными «циновками»). Этот этап может быть датирован в рамках второй четверти-середины X в. (появляется круговая керамика). На позднем этапе характер использования территории меняется – исчезают настилы, появляются каменные очажки и резко увеличивается разнообразие находок.

Вторая половина X в. – расцвет Гнёздова. Вероятно, оз. Бездонка уже не могло удовлетворить потребностей обслуживания Гнёздова как речного порта и центр «портовой активности» перемещается на берег Днепра, где выявлена сложная микротопография прибрежной зоны, включающая кроме деревянных настилов, и постройки (склады?), вероятно, связанные с обслуживанием речного пути. Весьма примечательно, что в рамках обоих исследованных участков были обнаружены ямы для возгонки смолы и дегтя, необходимых при ремонте и сооружении судов.

Подводя итоги, можно сказать, что «портовое хозяйство» Гнёздова имело сложную структуру и эволюционировало на всем протяжении существования данного раннегородского центра.

Политическая история Руси IX–X вв. весьма фрагментарно, часто противоречиво отражена в письменных источниках и потому не вполне ясна. Не удастся однозначно определить и внутреннее устройство формирующегося Древнерусского государства, в том числе степень его централизации в конце IX – середине X в. В связи с этим изучение древнерусского политогенеза не может быть успешным без привлечения археологических источников. Попытаемся дать обзор некоторых археологических данных, характеризующих, по нашему мнению, политогенез конца I тыс. в одном из важнейших регионов Древней Руси – Смоленском Поднепровье и Подвинье.

Система расселения в изучаемом регионе в X в. имеет иерархическую структуру, содержащую 3 или 4 уровня. Верхний уровень иерархии занимает древнерусское раннегородское поселение в центральной части Гнездовского археологического комплекса. Средний уровень представлен древнерусскими «локальными» торгово-ремесленными и военно-административными центрами, известными пока только в Днепро-Двинском междуречье (Рокот, Шишкино, Новоселки). Каждый из них состоит из городища, селища (в Рокоте это укрепленный «окольный город») и курганного могильника. На нижнем уровне находятся селища культуры смоленских длинных курганов (КСДК) и относящиеся к ним могильники, доживающие до рассматриваемого периода (Шугайлово, Михейково, Сельцо, Шутовка, Арефьино и др.). Возможно, удастся выделить еще один (второй снизу) уровень иерархии, который могут составлять такие комплексы памятников, как Заозерье, Кушлянщина и Березинка. Они содержат материалы как КСДК, так и ранней древнерусской культуры и, вероятно, включают в себя городища. Все эти поселения в совокупности составляли инфраструктуру транзитных военно-торговых путей, проходивших через Смоленское Поднепровье и Подвинье. Они синхронны в рамках конца IX / начала X – середины / 3-й четверти X в., причем